

4. Kinsella S. Shopaholic & Baby / Sophie Kinsella. – L. : Black Swan, 2008. – 448 p.
5. Lewis S. Forgotten / Susan Lewis. – L. : Arrow Books, 2011. – 552 p.
6. Mansell J. Perfect Timing / Jill Mansell. – L. : Headline Book Publishing, 1997. – 342 p.
7. Moyes J. Me Before You / Jojo Moyes. – L. : Penguin Books, 2012. – 522 p.
8. Neill F. The Secret Life of a Slummy Mummy / Fiona Neill. – L. : Arrow Books, 2008. – 298 p.
9. Sparks N. A Walk to Remember [Електронний ресурс] / Nicholas Sparks – Режим доступу до ресурсу: <http://www.readanybook.com/ebook/a-walk-to-remember-59991>.
10. Sparks N. The Best of Me / Nicholas Sparks. – L. : Sphere, 2011. – 292 p.
11. Steel D. Toxic Bachelors / Danielle Steel. – L. : Corgi Books, 2006. – 512 p.

УДК 811.111'42

З. А. Игина,

Нежинский государственный университет им. Николая Гоголя, г. Нежин

ТРАСОЛОГИЯ ГОТИЧЕСКОГО НАРРАТИВА: СТРУКТУРА «СЛЕДА» СОБЫТИЯ

Трасология готичного нарративу: структура «сліду» події. Ігіна. Статтю присвячено виявленню мовних засобів (слідів), що реалізують подію в готичному нарративі – фільмі Г. Кюмеля «Мальпертюй». Слід представлений як дворівнева нарративна структура. Метод пошуку сліду обґрунтований як трасологія нарративу, оскільки нарратив є середовищем, де знаходяться сліди події.

Ключові слова: нарратив, слід, подія, структура, трасологія.

TRACE EXAMINATION OF GOTHIC NARRATIVE: STRUCTURING THE EVENT

The article is dedicated to determining linguistic means (traces) that realise the event in Gothic narrative – H. Kümel's feature film «Malpertuis». The trace is represented as a two-level structure, and the method used to discern traces is termed narrative tracing, or trace examination, for narrative is the medium where traces are found.

Keywords: event, narrative, structure, trace, tracing.

ТРАСОЛОГИЯ ГОТИЧЕСКОГО НАРРАТИВА: СТРУКТУРА «СЛЕДА» СОБЫТИЯ

Статья посвящена выявлению языковых средств (следов), реализующих «событие» в готическом нарративе – фильме Г. Кюмеля «Мальпертюй». След представлен как двухуровневая нарративная структура. Метод поиска следа обоснован как трасология нарратива, поскольку именно нарратив выступает средой, где находятся следы события.

Ключевые слова: нарратив, след, событие, структура, трасология.

Цель настоящей статьи заключается в выявлении основополагающего для готического нарратива события «встречи с неведомым» посредством «следа» – сложной нарративной структуры, разворачивающейся в нарративе горизонтально (как диалектическое единство происшествий, обозначенных языковыми сигналами) и вертикально (как пространство интерпретации). Готический нарратив представлен цитатами из художественного фильма Г. Кюмеля «Мальпертюй».

Событие – это многомерный и сложный, ускользающий от четкой артикуляции междисциплинарный понятийный комплекс, который может быть представлен как глубинное состояние бытия (с точки зрения философии), как совокупность явлений языка, реализованных в акте речи (с точки зрения лингвистики), и как статус произведения (с точки зрения литературоведения) в понимании последовательности чего-то уже свершившегося в совокупности рамификаций [2, с. 7–69; 5, с. 198–205; 6, с. 320–329; 11, с. 80, 173; 12, с. 62–70; 16, с. 19, 32–34].

Событие, репрезентированное как развертывание бытия во времени, позволяет рассматривать его как нарратив. Термин «нарратив» указывает на любое произведение, излагающее историю о событии, где последнее – изменение в ситуации, о которой повествуется. Под ситуацией имеется в виду совокупность условий на фоне истории. Событие дедуцируется из формулы [4, с. 223–224]: если ситуация представлена в нарративе как исходное состояние (F) чего-то/кого-то (x) в момент времени (t_1), то эта ситуация может быть изменена, если нечто (H) происходит с x в момент (t_2) после t_1 , в результате чего x меняет состояние (на G) после t_2 (в момент t_3).

Отличительной чертой готического нарратива является воспроизведение в разных формах художественного творчества средневековых и раннеренессансных элементов описания потустороннего, неведомого, вызывающего ужас [14, с. 29–39; 15, с. 4–10].

Событие как **основание** готического нарратива идеально абстрактно и проявляет себя в конкретных манифестациях-происшествиях, не сливаясь при этом с ними всецело, но сохраняя свою уникальность как основополагающий принцип. Оно является границей, относительно которой определяются позиции всех задействованных в нем (событии) элементов. В манифестациях событие сливается со временем как неким «просветом протяженности», состоящим из моментов «теперь» и присутствия сущности, причем присутствие есть явление самой сущности как возможности до конкретного ее определения, символом переменной [12, с. 414 – 419, 469–476].

Проиллюстрировать данную рефлексию можно с помощью уже упомянутой выше формулы, где моменты «теперь» указывают на фиксацию смены состояний сущности. Конкретной же манифестацией события является происшествие H, которое и вызывает смену состояний. Происшествия в силу значимости/близости к идеальному событию (степень манифестации) могут быть первичными, вторичными и т.д. Выявить событие, таким образом, представляется возможным по степени его манифестации в происшествии, где моменты времени и задействованные сущности позволяют обнаружить его следы.

След – это способ соотносительности определенного нарративного происшествия с событием посредством языковых сигналов. Метод поиска следа предлагается называть *трасологией* (фр. la trace – след, гр. λόγος – слово, учение, причина) *нарратива*, так как именно нарратив выступает средой, где находятся следы события. След является знаком в динамике [1, с. 22 – 23], т. е. он виден только тогда, когда его означающее соотносится с другими означающими одного и того же означаемого. След проявляется в необходимости наличного/предполагаемого различия, иначе же стирает сам себя. Таким образом, структурно он (как минимум) бинарен, т. е. полагается как привативная оппозиция, где оба элемента категориально значимы. Формулу следа можно записать как $T = (s_1 \Rightarrow H_1) \wedge (s_2 \Rightarrow H_2)$, где T – след, $H_{1,2}$ – происшествия, $s_{1,2}$ – сигналы, указывающие на них, \Rightarrow – соответственно, импликация, а \wedge – конъюнкция.

Например, в фильме Г. Кюмеля «Malpertuis» (экранизации одноименного романа Ж. Рея) след проявляется в диалектической целостности происшествий, связанных с именами двух (выделено) античных богинь (Венеры и Алектю):

1. – *Now look what you've done! Talking is the only thing you can do. – Please forgive me, my Venus. I just don't know what comes over me sometimes. It happens when I think about before. I can't forget. Everything keeps coming back to me. You were so beautiful, darling. And we were young. And so in love. What happened to us? Why can't it be like it used to be? – Because you're no longer a man. Go away! I've still got nine corridors to do. – No, things'll be like they used to be, my Venus. I promise. Things'll be like they used to be. – When we're all dead and buried* [00:35:59 – 00:36:55]. 2. *I want you to forget everything, Jan. I'm a woman. I want you to love me. Look no further. Listen! Footsteps! – Alecto! – Alecto? – Never say that name again, understand? Never, never, never.* [01:23:57 – 01:25:59]. 3. *Alecto. – I'm Alice. My name is Alice. – No, Alecto. You've forgotten <...> who you were. You know that you should punish any mortal who lusts after you. You've forgotten who you used to be. – I want to be a woman* [01:36:20 – 01:36:43].

На первый взгляд может показаться, что здесь имеют место лингвокультуремы, т.е. сложные единицы, имеющие лингвистическое и культурно-понятийное содержание [3, с. 45]. Имя «Венера» отсылает к образу античной богини любви и красоты и обозначает любую красивую женщину без национально-культурной спецификации. В первом приведенном отрывке, где показан разговор мужа-неудачника и сварливой жены, логично предположить, что, называя жену «моя Венера», он хочет ей польстить или просто причитает в порядке тоски по утраченному (красоте, молодости, любви). На эту мысль наталкивает и реакция самой «Венеры», явно скептически относящейся к возможности перемен вообще (*When we're all dead and buried*) и к мужу в частности (*Because you're no longer a man*). Важнее вымыть коридоры (*I've still got nine corridors to do*). Однако в следующих отрывках имя «Алектю» является значимым происшествием уже в силу своей редкости (нечасто женщин называют именами фурий). К тому же, о нем пытаются забыть (*My name is Alice*) и запрещают произносить (*Never say that name again*). С ним же связана якобы истинная личность персонажа (*You've forgotten who you used to be*).

Тривиальное, казалось бы, называние персонажа по имени, но привычный речевой акт оказывается облеченным еще какой-то иной, имплицитно присутствующей в этом акте перлокуцией, раскрывающейся лишь в сравнении. След задает предел как стремление к событию, проявляет себя как платоновское «припоминание» – возвращение знания о том, что происходило с сущностью до воплощения в смертное тело [10, с. 392–393]. Перлокутивный акт во всех приведенных случаях может быть сформулирован как «Ты категорически не та, кем пытаешься быть». Венера и Алектю оказываются подлинными античными богинями, заключенными в смертные тела бельгийских горожанок, и, соответственно, проживают их жизни: одна моет полы, другая мечтает о любви моряка. Хромой же муж, который видится как «не-мужчина» и страдает по былому, оказывается самим Вулканом. Происшествие (которое совершается как называние по имени) во всех трех примерах воплощает событие встречи с неведомым. Нарратор Ян («реальное») вступает в контакт с античными богами («неведомым»), хотя сам он, разумеется, этого события не осознает. В процессе повествования оно видно только с уровня интерпретатора, а это значит, что след раздваивается не только горизонтально (как бинарная оппозиция происшествий), но преобразуется в вертикальном направлении, обретая пространства интерпретации на основе задействования знаний вне текста. «Алектю?» – спрашивает Ян, не понимая, почему Алис называют Алектю. «Почему все не так, как раньше, моя Венера?» – говорит жене (хромой) муж, но Ян не видит в них Венеру и Вулкана, так как находится в состоянии эпистемологической «слепоты». Он не способен выйти из перлокутивной амбивалентности и совершить «внутренний акт» понимания [9, с. 15–16]. Интерпретатор же применяет так называемый метод «телескопа», т.е. увеличивает нужную деталь [9, с. 42–45], здесь – интерпретируя имена как сопряженные знаки события встречи. Так он (интерпретатор) неизбежно приходит к выводу, что бюргеры «Malpertuis» – не обычные бюргеры, их разговоры не иносказательны, а все, что происходит, гораздо страшнее и трагичнее, чем пошлые супружеские склоки и неразделенная любовь бельгийской барышни к морячку. «Malpertuis» – загробный мир ушедших в забвение богов, где они обитают как люди. Их смерть, но преодолена как собственно смерть и ставшая чем-то другим. Сумерки богов.

Такой уничтожительный взгляд на богов со стороны «неведомого» (существования после смерти) как «реального» (в виде увязших в житейских банальностях бюргеров) есть проявление бельгийской культурной специфики; он может быть рассмотрен как «социальный факт» [8, с. 12–17]. Поскольку социальный факт является совокупной характеристикой массового сознания (мнений, поведения, оценок и т.д.), выраженного как отдельное событие, то нетрудно понять «слепоту» Яна. Он слышит, как говорит, к примеру, Венера, и вряд ли в этой речи (*Go away! I've still got nine corridors to do*) что-либо напоминает о торжественных античных гексаметрах в устах героинь Гомера. Впрочем, и сам Ян, будучи моряком торгового флота, в гексаметрах не силен, но для фламандцев более значима его личность как определенный стагуарный набор (совокупность социальных ролей) [7, с. 6], а не Венеры. Это ведь Ян – перспективный моряк (мореплавание важно для экономики этого культурно-языкового сообщества) и наследник состояния. Венера же – разбитая жизнью старуха, несмотря на происхождение – более высокое просто несоизмеримо. Жены бюргеров не разговаривают гексаметром; соответственно, разговорный стиль подменяет собой высокохудожественный *belles-lettres* драматического типа. И Алектю тоже хоронит в себе фурию, приспосабливается к лингвокультуре (становится Алис, что гораздо проще и привычнее артикулировать на рыбном рынке) и мечтает выйти замуж за воплощение фламандских ценностей. Желание забыть свое истинное имя как указание на жалкую сущность, в виде которой грозная фурия влачит существование в мире «Malpertuis», эксплицитно и экспрессивно выражено стилистической фигурой последовательного повтора (*Never, never, never*) и представляет собой пример «отчужденной» аккультурации [12, с. 374, 539]. Боги тоже встречаются со своим «неведомым» – унижением в смерти.

Таким образом, «событие» может быть выявлено в нарративе посредством следа – сложной нарративной структуры, разворачивающейся в нем (нарративе) как горизонтально (в качестве диалектического единства происшествий, обозначенных языковыми сигналами), так и вертикально (в качестве пространства интерпретации). След вычисляется по формуле $T = (s_j \Rightarrow H_j) \wedge (s_2 \Rightarrow H_2)$, где T – след, $H_{1,2}$ – происшествия, $s_{1,2}$ – языковые сигналы, указывающие на них. Сигналы могут указывать как на первичные, так и вторичные происшествия, т.е. быть сопряженными с событием непосредственно или опосредованно. На поиск следа также влияют лингвокультурные особенности нарратива.

Литература:

1. Автономова Н. С. Деррида и грамматология. Вступительная статья / Наталия Сергеевна Автономова // Ж. Деррида. О грамматологии. – М.: Ad Marginem, 2000. – С. 7–111.
2. Бахтин М. М. К философии поступка / Михаил Михайлович Бахтин // Собрание сочинений. – М.: Русские словари, 2003. – Т. 1. Философская эстетика 1920-х гг. – С. 7–69.
3. Воробьев В. В. Лингвокультурология: Монография / Владимир Васильевич Воробьев. – М.: РУДН, 2008. – 336 с.
4. Данто А. Аналитическая философия истории/ Артур Данто; [пер. с англ. А. Л. Никифорова, О. В. Гавришиной]. – М.: Идея-Пресс, 2002. – 292 с.

5. Делез Ж. Логика смысла / Жиль Делез; [пер. Я. Свирского]. – М. : Паритет, 1998. – 480 с.
6. Демьянков В. З. «Событие» в семантике, прагматике и в координатах интерпретации текста / Валерий Закиевич Демьянков // Изв. АН СССР. Серия литературы и языка, 1983. – Т. 42. № 4. – С. 320–329.
7. Дугин А. Г. Этносоциология / А. Г. Дугин. – М. : Фонд «Мир»: Академический Проект, 2011. – 639 с.
8. Дюркгейм Э. Социология. Ее предмет, метод, предназначение [Электронный ресурс] / Эмиль Дюркгейм; [пер. с фр. А. Б. Гофмана]. – Режим доступа : <http://library.khpg.org/files/docs/1372596651.pdf> – Название с экрана.
9. Мамардашвили М. К. Психологическая топология пути / Мераб Константинович Мамардашвили; [ред. и сост. Е. М. Мамардашвили]. – М. : Фонд Мераба Мамардашвили, 2014. – 1232 с.
10. Платон. Менон / Платон; [пер. с древнегреч. С. А. Ошерова] // Сочинения в четырех томах. – СПб. : Изд-во С.-Петерб. ун-та; «Изд-во Олега Абышко», 2006. – Т. 1. – С. 375–421.
11. Тмарченко Н. Д., Тюпа В. И., Бройтман С. Н. Теория литературы / Н. Д. Тмарченко // Теория литературы. – М. : Академия, 2004. – Том 1. – 512 с.
12. Хайдеггер М. Бытие и время / Мартин Хайдеггер; [пер. с нем. В. В. Библихина]. – Харьков: Фолио, 2003. – 503 с.
13. Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории / Освальд Шпенглер; [пер. с нем. К. А. Свасьяна]. – М. : Мысль, 1998. – Т. 1. Гештальт и действительность. – 663 с.
14. Birkhead E. The Tale of Terror / E. Birkhead. – Charleston: BiblioBazaar, LLC, 2008. – 228 p.
15. Botting F. Gothic / Fred Botting. – N.Y. : Routledge, 2005. – 128 p.
16. Derrida J. Specters of Marx. The State of the Debt, the Work of Mourning and the New International / Jacques Derrida; [tr. from the Fr. by Peg Kamuf]. – N.Y. : Routledge, 1994. – 258 p.

Иллюстративные материалы:

1. Malpertui, directed by Harry Kümel [DVD digital resource]. – Barrel Studio, 2007. – 1 Digital Versatile Disc (DVD): NTSC, Color, Subtitled, Widescreen; 119 min.

УДК 81'373.6

Я. В. Капранов,

Київський національний лінгвістичний університет, м. Київ

ВИТЛУМАЧЕННЯ ТЕРМІНА «ЕТИМОН» ЯК ЗНАКОВОГО УТВОРЕННЯ ПРАМОВНОГО СТАНУ

У статті сформульовано витлумачення терміна «етимон» як знакового утворення прамовного стану; охарактеризовано структуру етимона у плані його вираження і змісту; узгоджено поняття «етимон» з мовним знаком Ф. де Соссюра як гіпотетичним матеріально-ідеальним утворенням.

Ключові слова: етимон, прамовний стан, структура етимона, план вираження, план змісту, матеріально-ідеальне утворення.

THE INTERPRETATION OF THE TERM “ETYMON” AS A SIGN OF FORMATION OF PROTO-LANGUAGE STATE

The article deals with the interpretation of the term «etymon» as a sign of formation of Proto-language state. The structure of etymon has been described in terms of expression and content. The concept of «etymon» has been coordinated with language sign of F. de Saussure as a hypothetical ideal and material formation. If the form of expression of etymon is a Proto-Form that may be represented as a Proto-Root and / or Proto-Stem, but its form of content has been defined with the help of semantic reconstruction or semantic extrapolation.

Keywords: etymon, Proto-Language state, structure of etymon, form of expression, form of content, material and ideal formation, Proto-Form, Proto-Root, Proto-Stem, semantic reconstruction, semantic extrapolation.

СФОРМУЛІРОВАНО ІСТОЛКОВАННЯ ТЕРМІНА «ЕТИМОН» ЯК ЗНАКОВОГО ОБРАЗОВАНИЯ ПРАЯЗЫКОВОГО СОСТОЯНИЯ

В статье сформулировано истолкование термина «этимон» как знакового образования праязыкового состояния; охарактеризована структура этимона в плане его выражения и содержания; согласовано понятие «этимон» с языковым знаком Ф. де Соссюра как гипотетическим материально-идеальным образованием.

Ключевые слова: этимон, праязыковое состояние, структура этимона, план выражения, план содержания, материально-идеальное образование.

На сучасному етапі розвитку лінгвокомпаративістики дискусійною залишається проблема, поставлена ще на початку XIX ст., – встановлення структурної одиниці конкретного прамовного рівня, з яким працює дослідник. Е. Макаєв ніколи не міг зрозуміти, з чим саме працює етимолог: зі словом або коренем, коли намагається встановити етимологію в одній із древніх індоєвропейських мов і звести її до спільноіндоєвропейського (праіндоєвропейського) рівня [11, с. 26]. Як показує практика, дослідження прамовних рівнів різної глибини зводилися не просто до з'ясування найдавнішого часу існування мов, шляхів перетворення конкретних найменувань, появи абстрактних понять і суджень [16, с. 3], але й до пошуку **прамовної форми** [9, с. 94] (*Proto-Language Form*, або *Form of Proto-Language* [22]), або **праформи** (*Proto-Form*), поряд з якою широкого застосування набув термін **етимон** – структурна одиниця, що характеризується **планом вираження і планом змісту** (Е. Макаєв).

Звичайно, час від часу окремі етимологи і лінгвокомпаративісти вважали хорошим тоном оголосити привселюдно, що вони, здійснюючи етимологічний аналіз, працюють з реальними словами, а не з фіктивними коренями, як, наприклад, це відображено в праці А. Ерну й А. Мейє. Дослідники стверджують, що, наприклад, «звести латинське слово до якого-небудь індоєвропейського «кореня» ще не означає представити його вичерпну етимологію» [24, р. VIII]. Одним із перших, хто виступив проти реконструкції індоєвропейських коренів, був І. Шмідт, який привселюдно заявляв: «так як корені є лише науковими препаратами, я не буду займатися ними і буду враховувати лише наявні слова» [25, р. 69].

Інтегруючи погляди Г. фон Габеленца, В. фон Гумбольдта, Н.Я. Марра, М. Мюллера, О.О. Потебні, А. Шлегеля, А. Шлейхера – далеко не повний перелік імен великих лінгвістів попередніх епох – переконуємося у тому, що їх увага була сконцентрована на розв'язанні єдиної мети – реконструювати той чи інший **етимон**. Проведені етимологічні дослідження цими дослідниками, а також їх послідовниками мали переважно онтологічний і світоглядний характер, адже в кожній окремій історичній період мовознавці весь час прагнули, з одного боку, генетично ототожнити розглянуте слово з іншим словом як вихідним, а з іншого, – зіставити інші структурні елементи слова з історично відомими структурними